

84(2 РОС-РЭС) 6-

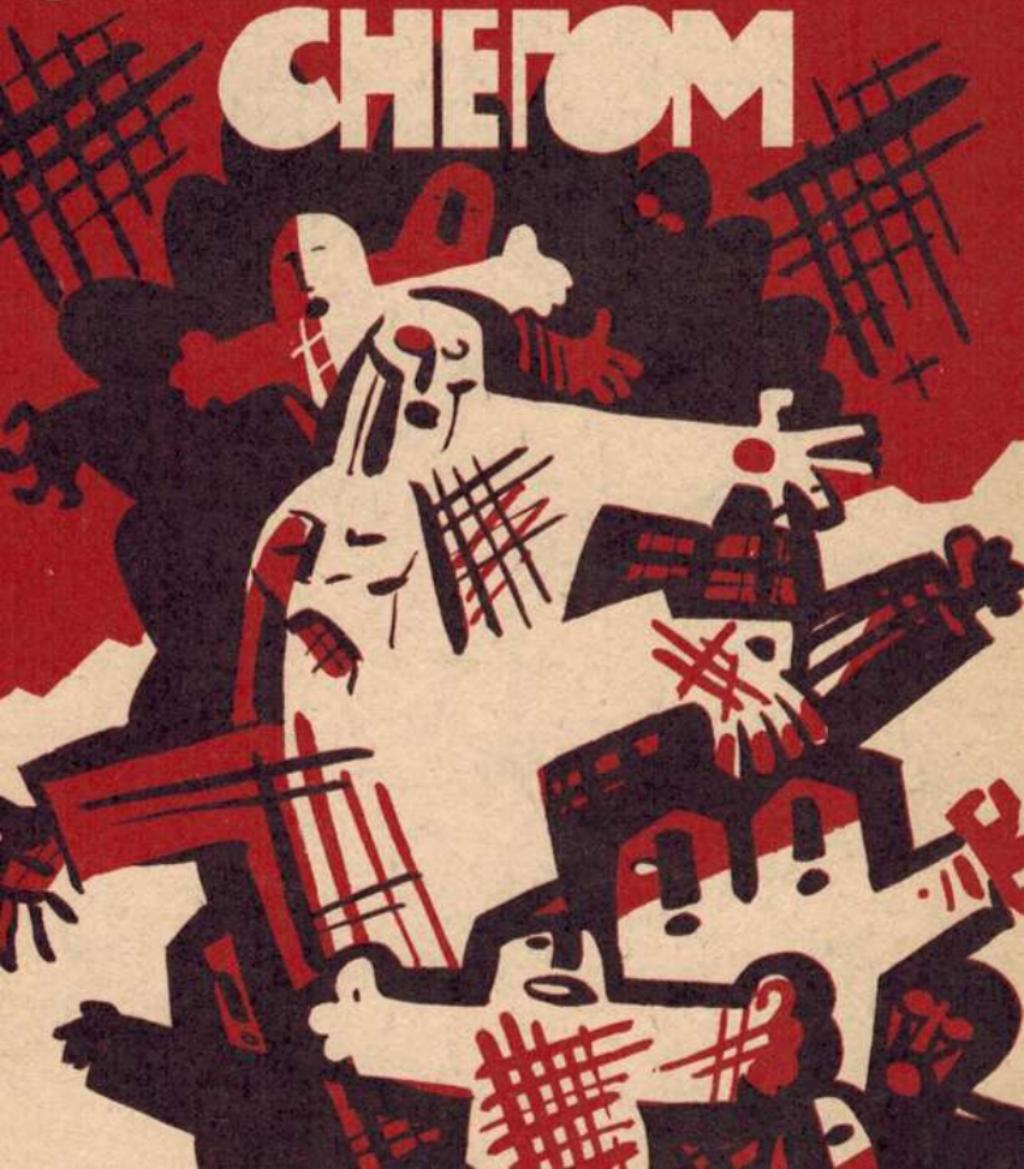
А 55

28150

Ноны республиканской
библиотеки им. В. И. Ленина
ПРИРОДОЧЕСКИЙ ЦИФРАРИЙ

И. АЛШУТОВ

ЗАНЕСЕННЫЕ СНЕГОМ

Каждый, кому дорога поэзия, внимательно прочитав эту книгу, поймет, что стихи Александра Алшутова заслуживают более широкой читательской аудитории, чем та, которой они становятся доступны сегодня.

Почему так происходит?

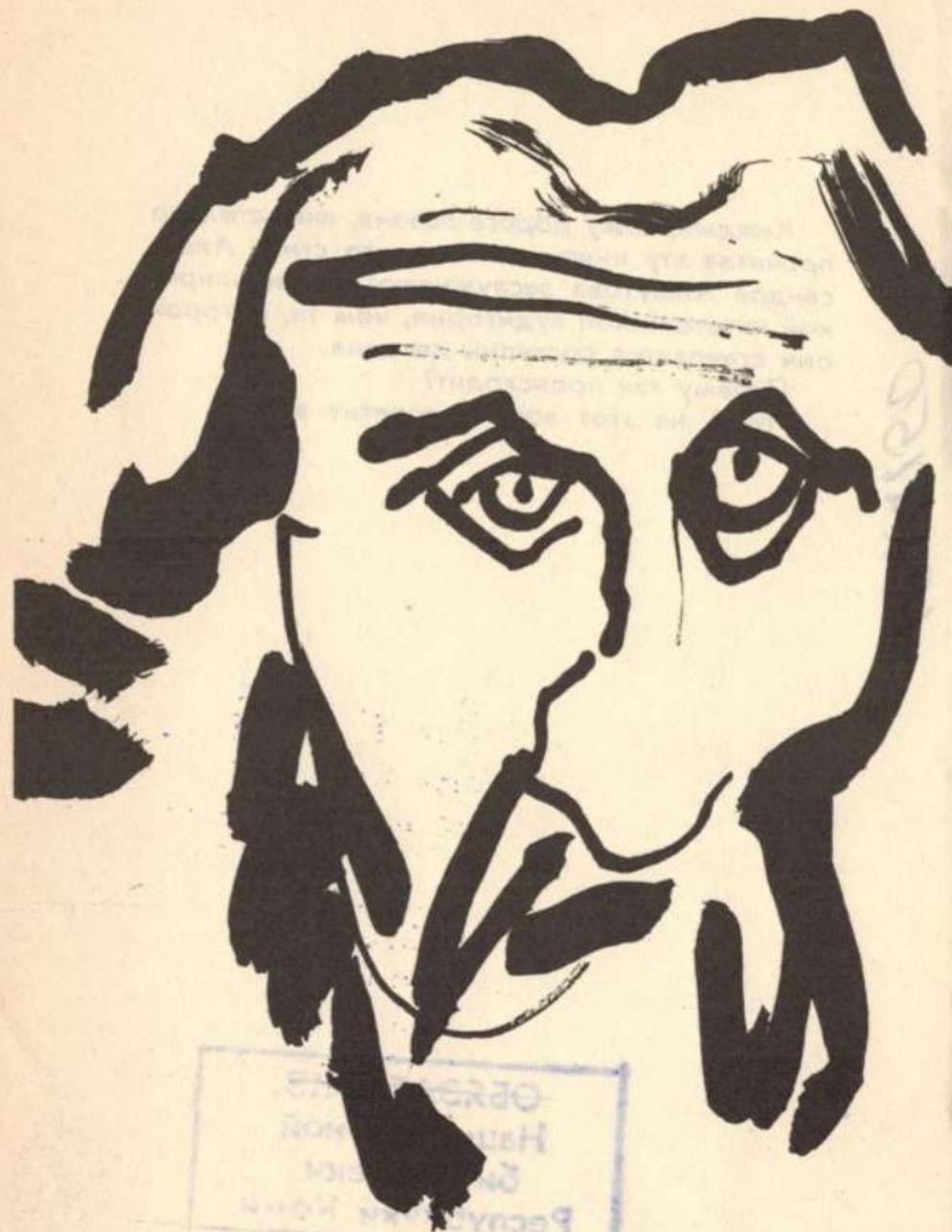
Пусть на этот вопрос ответит время.

1922150

ОБЯЗАТ ЭКЗ.
Национальной
библиотеки
Республики Коми

69

2015

84(2 РОС-РУС) 6-5944

А 55

Ал.
Аишутов
**ЗАНЕСЕННЫЕ
СНЕГОМ**

ГБУ РК НБРК
краеведческий
музей-заповедник
КНИГА
СТИХОВ

Сыктывкар
Коми книжное
издательство
1990

СОДЕРЖАНИЕ

Сила тяжести

«Когда вопрос нелепый задают...»	9
Репортаж с самолета, который «ушел в сторону моря»	10
Как я вернусь	14
«Я мыл до блеска МАЗу рыло»	16
Апрельский снег	18
Русская поэзия	20
«После полудня смерть — не на заре...»	22
Кордон белых цапель	25
Негр	27
Ипподром	29
Шампиньон	31
Слон	32
Динго	34
«Мой отец тает...»	35
Страница биографии	37
Занимательная палеонтология	39
1. «Да-да, я был когда-то мамонтом...»	39
2. «Здравствуй, ящер!...»	40
3. «Парящий в небе птеродактиль»	42
Некоммуникабельность	44
Похороны писателя	45
Ведуты	47
Комната	51
Сила тяжести	53

Из книги «Рыбацкий хлеб»

Невельск	58
Гостиница плавсостава	60

Отход	62
Сеть	65
В пролове	67
Рыбацкий хлеб	69
Интерлюдия	72
Тайфун	73
Эпилог	75
«Высоковольтные электромачты...»	79

Мост

5

«Я год живу в дому стандартном...»	82
Триптих	
I. «Так смог бы написать Сезанн...»	84
II. «Изменится капризный свет...»	85
III. «Как голубь пьет?...»	86
Осень	87
Бах	88
Верлибр	90
Подготовка к письму	91
«В бессоннице ночами не дежурь...»	92
Занимательная библия	93
«Она придет, Большая Доброта...»	94
Шестидесятники	95
«Когда мне говорить пытаются...»	97
Вдохновение	98
«Рисуют дети разноцветным мелом...»	99
«В той глухи, где кровавая клюква...»	101
Монолог автомобильного моста	102
O, Venera Urania!	106
Попытка непроизнесенного монолога	107
«Единая и неделимая...»	109
Занесенные снегом	110
Исповедь пароходного котла	112
«В душе моей неистребимо добро...»	118
Полуночное благодарение	119
«Когда с трибун кричат о перестройке...»	121
Рассветы	122
Последнее стихотворение	124
Мерани (Из Н. Бараташвили)	125

Illustration by **John Held Jr.**
from **Illustrated American**

СИЛА ТЯЖЕСТИ

Когда вопрос нелепый задают —
за что мы любим Родину свою,—
я, словом на него не отвечая,
всем существом

до боли сознаю,
что за Нее
во всем я отвечаю,
чего отнюдь другим не предлагаю,
на посторонних
не перелагая
сверхличную ответственность мою.

Июнь 86.

Репортаж с самолета, который «ушел в сторону моря»

О нем это, об убитом, телеграмма.
О закройте, закройте глаза газет!
(Владимир Маяковский)

- 10 Чужой перехватчик ушел в ночь,
на грохот турбин намотав нервы.
Не стоит выяснять:
этим
нам не помочь.
Не стоит выяснять,
кто стрелял первым.
Мы сбиты,
горим,
нам уже не сесть.
Внизу океан,
далеко до суши.
— Невидимка!
Я — 26.
Слушай!
Слушай!!
Слушай!!!
Мы — нарушители чьих-то границ.
Пусть заголовками пресса балдеет:
«12 ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ
ТРАГЕДИИ Б-29...»
Нас уже нет,

хоть мы живы пока.
А если понадобятся
наши биографии,
ищите их
в документах полка —
там даты,
звания,
фотографии.

Короли репортажа,
сенсаций,

реклам...

11

— Смотрите,
киношники и журналисты!

Лиловое пламя
радиоламп
лижет бледные,
потные
щеки радиоста.

А кто-то
рукой с золотым кольцом,
быть
может, ее
прижимает в танце?

...Мертвый стрелок
с разбитым лицом
обнимает
прицельную станцию.

Там в губы целуют.
А я убит.

Но завтра утром.
Очень скоро!..

Цифры бредят.
Как в лихорадке дрожит
плачущий фосфором пульс приборов.
За утренним кофе

в шелест газет
вольются аккорды дипломатических нот.
...В передней кабине погас свет.

Кажется, умер правый пилот.
Все стало черным-черным, черней
самой черной китайской туши.

12 — Невидимка! Я больше не буду о ней.

Слушай! Слушай!! Слушай!!!
Крошатся звезды. Звенят блистера.
Мы — металл горящего глыба.
Сердце давит и голову давит жара.
Внизу ждут голодные рыбы.

Быть может, разбитые звезды и есть
разбившихся летчиков души?
— Невидимка!

Я — 26.
Слушай!
Слушай!! Слушай!!!
По переулкам метлой прошуршат
холодные пятки босого рассвета.

Мальчишки-газетчики

в дверь постучат,
и мама

узнает про это.

Дрожащие строчки
посыплются пудрой.

Слова в них черствей

бортпайковых галет.

Мама,

слышишь меня?

Завтра утром

не надо читать газет...

13

Ноябрь 56.

Как я вернусь

14 Я пройду

через озябший сквер,
мимо неоткрытых магазинов...
постучусь...

И мне

откроет дверь
незнакомый
заспанный мужчина.

Вам кого?..

Мою жену?!

Она еще не встала...

Что передать?..

Откуда?

Кто вы?

Виноват!..

Я усмехнусь:

— Скажите, что с вокзала
к ней заходил

вернувшийся солдат.

Заспанный мужчина удивится.

Разве сможет он когда-нибудь понять,
что бывает с подожженной птицей
на высоте 11 и 5?

Когда с ветром

поцелуешься взасос

и летишь,

летишь в ничто со свистом...

И выстукивает сердце СОС

на звенящих нервах бортрадиста.

Разве он когда-нибудь поймет,

что под маской

равнодушных шуток

я качаюсь,

как расстрелянный пилот

на ненужных стропах парашюта?

А с земли

всем кажется,

что жив.

Что ж,

натянем юмора постройки.

Незачем

показывать чужим

счастья

обгорелые

обломки.

15

56.

Я мыл до блеска

МАЗу рыло
по локоть в стынущей грязи...
У магазина «МЯСО — РЫБА»
я туши мерзлые грузил.
И люди

мясо выбирали,
пытливо пробуя на глаз.
И, выбрав,
чеки выбивали
у пулеметно-быстрых касс.
Покуда двери не закроют,
таскал я туши.

Дотемна.

Я нес.

Я нес им
мясо с кровью.
Но было всем не до меня.
Сновали люди торопливо
во власти кухни и стола.
В отделе,
где живая рыба,
они толпились у стекла.
Меня досада забирала.
Но, горло замотав шарфом,

я вновь садился за баранку.
Я был отчаянный шофер!
Давил на плечи
кузов полный.
Я гнал и гнал...
И тормозил.
Я до сих пор
отлично помню
тот
мясорыбный магазин.

59.

О.С. Г. Экз.
Национальной
Библиотеки
Республики Коми

Апрельский снег

Он себя уронил
 в самых дальних районах
 под коней вороных,
 в след машин вороненых,
 запоздалый,
 невольный,
 крася в белую зиму
 ярко-синие «Волги»,
 черно-бурые «ЗИМы»:
 и по стеклам,
 как дождь,
 растекался водицею,
 и в холодную дрожь
 вгонял руки водителей...
 Ослепительно светлый,
 через сумерки серые
 он просыпался сверху
 и рассыпался скверами —
 мимо окон погашенных
 и уже подожженных
 на пустые багажники
 и на баржи груженные...

Лондонский
он маетсъ
нашъ

Освежающе-мятный,
оседающий мягко
на детские пальчики
и на тесные парочки,
на романы бульварные
и трагедии скверные,
на лампады фонарные
и лопаты фанерные...
Загребать его до ночи
будут белые дворничихи...
И кружиться кругами
по уснувшей Москве,
собирая в курганы
непослушный им снег...
И сметут его.

19

Начисто!

...А он только что начался.

59.

Русская поэзия

20

Нет!

Не баяны,
не гармоники,
не соловьи
под пьяный вечер...
А если соловьи — Разбойники!
Баяны — так Баяны
Вещие.

Из-за нее

теряли головы —
всеръез, в ладони палачам —
те, по кому
Китаев-Городом
рыдала медная печаль.
Но зря

в хоромы
мчался нарочный,
божился:
— Нет ее...
Ей-ей!

Ведь были
головы те
на руку
в конечном счете
только ей.

Ona

не спрашивая визы
и не выпрашивая прав,
идет

В век всевозможных физик сквозь век физических расправ.

63.

Памяти Б. Л. Пастернака

22

После полудня смерть — не на заре,

хотя любая смерть приходит рано.

И Человек до Бога не дозрел:

в боку Христа цвела живая рана.

Она зияла в темь

под тем ребром,

что Бог изъял для Евы из Адама.

Сиял в кустах Иуда серебром,

осин кровавым золотом подавлен.

И было страшно, видимо, Христу,

когда он вышел в окруженьи стражи
и потащился

к своему кресту.

Христу по-человечьи было страшно.

Он знал, на что идет.

Не на авось!

Он шел безвинный?

Вовсе не безвинный.

Волнующе верблюжий пах навоз.

Так по утрам волнует дух бензина.

И он в воспоминаниях будил

дороги так и не совершенных странствий.

И, слыша звон тревожимых удил,

косясь мельком на конвоиров странных,

Христос тоскою смертою скучал:

Зачем посты великие пустые?

И Дьявол

только трижды искушал?

И долго слишком

быть пришлось в пустыне...

Вдруг захотелось стать таким, как все.

Ведь быть простым и дюжим не зазорно!

Но в души заронил такой он сев

и прорастить успел такие зерна,

что море Мертвое в глазах у рыбаков

заставил жить синее вспышки спирта,

как дно могил безвестный гробокоп

перед известным принцем у Шекспира.

И, чудом исцеляя чью-то боль,

не ради чуда исполнял он долг свой.

Ведь чудеса в наш век творит любой.

Христос самим собою был — и только.

Ну, что за чудо: по воде пройдусь?!

Дам свойства ей вина?..

Не шельмовал он.

И мы ведь ходим запросто по льду.

И нас пьянит водичка штормовая.

Нет! Суть Христа совсем не в чудесах.

А в том, что, к страха голосу оглохнув,

он путь свой добровольно выбрал сам

не к сытости и славе — на Голгофу.

Он не хулу принять мог, а хвалу,

но совести своей не смел перечить.

Ведь в Книге Жизни

первую главу

уже успел сложить Иоанн Предтеча.

И потому, ступая через прах,

он нес свой крест

над лбов гончарным мраком.

Ворочаясь, как мысли в черепах,

о панцири чесались черепахи.
Гудела возбужденная толпа,
стекаясь к месту предстоящей казни.
Толпа была труслива и тупа.
Толпа встречала казнь,
как красный праздник.
К ветхозаветным уркам по бокам
Христос не зло питал, а состраданье,
неведомое до него богам
всесильно-безнадежно-стародавним.
Он покурить, наверное, хотел
и посильней, чем мы после обеда.
Но ни Христос,
ни даже Бог-Отец
в те времена
мечтать не мог об этом.
Кровавый диск пасхально золотил
дач фарисейских гордые стропила.
Еще недолго — в вечность он взлетит,
как горнолыжник,
прыгнувший с трамплина.
Еще недолго — и придет гроза.
Пока ж
его старательно гвоздили...
...Стекает в кружку
горькая роса.
Так пахнет в Переделкино гвоздика!

**Кордон
белых
цапель**

Норе Ганской

25

Замшелый дым рассветных тополей
встает в окне забытого кордона.
О, как мне тяжело тобой болеть
так пасмурно, так пристально, так долго!
Наивным было, здравость торопя,
лететь стремглав в края охоты царской.
Я каждый день

встречаю здесь
тебя,

когда смотрю на тонких белых цапель.
Они нисходят из-за туч с утра.
Они подходят

к самому кордону.

Не знаю я, что их влечет сюда,
но цапли чувствуют себя со мной
как дома.

И мне приносят трепет длинных ног,
таких твоих, беспомощных и хрупких,
как будто ноги вспоминают ночь
и темные мои мужские руки.
Царевна-лебедь! Ты — навечно в них.
В зрачках моих
за боль твою отмщеньем,
как волосы твои, струятся вниз
их перья
пеньем лебединой шеи.

Как поза-позапрошлогодний снег
 далекой, соколиной, графской эры.
 Как давний свет в угаснувшем окне,
 где обитали Ганские фон Эгер.
 Я светом тем навечно облучен.
 В нем суэтность смешна мне
 дел и планов.
 С ним обручен,
 как будто обречен.
 О, господи,
 как хочется заплакать!
 Судьба моя
 проклятая.
 Жена,
 любимая,
 нисровергатель мнений...
 Моя и не моя.
 Как тот журавль.
 Как мой журавль,
 который вечно в небе.

Астраханский государственный заповедник.
 Кордон № 3 на реке Овчинникова.

Былое хмельное счастье и блажь
всегда ощущалось мною
каким-то приятным способом жаждою
жаждою окончай твои
Бесконечные Амурчины волны
известиями издашь мне

Негр

В. Лукьянову

Негр идет

27

через Цветной бульвар,
через ветреный
морозный вечер,
Пробирает негра до белья
разгулявшийся московский ветер.
Жгут лицо снежинки, как москиты,
Плечи негра — в снежной пелене...
И ему

не улыбаются москвички,
потому что это
белый негр.

Не из Камеруна,
не из Ганы
он спешит через колючий снег.
Гулкий камер-юнкер
и изгнаник
с пьедестала
смотрит негру вслед.

Завязав метелью
бронзу горла,
смотрит,
и ему
понятно все:
ртутьная, несказанная горечь

трудных и выскользывавших слов...
взгляды дворников

из темных подворотен...
встречных любопытство через верх...
Почему

им белою вороной
кажется идущий человек?..
Белоснежным торжеством повальным,
снегом на голову,

шляпы покривив,
негр идет.

Идет в кольце бульварном
с каплей
крови Пушкина
в крови.

62.

Ипподром

29

Зачем приходит он на ипподром —
потомок дальний

давних землепашцев?

Не для того, чтобы сотню зашабашить
и с треском просадить ее потом.
Нет!

Там, в подкорках,

силой ДНК,

в закрученной программе нуклеина
в нем предки

до рождения накалили
любовь к скрипящим сбруей дончакам.
Он помнит посвист вейки огневой
и маслениц языческих катанья...
Когда отняли

лошадь

от него,

в нем разрубили

надвое

кентавра.

И вот теперь,

сквозь вереницу лет,
через асфальта смутные покровы
он различил

утраченный им след

той
драгоценной
золотой подковы.
Гудит азартом бесконечный круг
дистанции коварной и огромной.
И болью в сердце
распирает грудь
приток густой
степной
и липкой крови.

70—84.

Шампиньон

Предельно чуткий, как глухой Бетховен,
слепой и прозорливый, как Гомер,
он упирался в пласт глухой бетона
так, что бетон, поддавшись, загремел.

31

Воссоздавая взрыв урана зrimo,
стоял грибной силач и чемпион.
И был сильнее атомного взрыва
от напряженья бледный шампиньон.

60.

Слон

Посреди зимы,
больной и сонный,
африканский темперамент погасив,
слон вздыхает
старым пылесосом
изо всех
сверхлошадиных сил.
Если б сосчитали,
сколько съел он,
вкус к свободной жизни отравив,
горького
удушливого сена,
вместо яркой зелени травы!
Давние слоновые обиды
надоест усталому слону
втаптывать в сосновые опилки
и по бивням распускать слюну,
напряжет тогда
свои он мышцы...
До сих пор еще
он всех мощней!
Но свистят
невидимые мыши.
О, как ненавидит он мышей!

Заключен пожизненно
за право
быть слоном
в казенный павильон,
перед вами
в зимнем зоопарке
за решеткой —
настоящий слон.

67.

Динго

Густой туман над зоопарком.
 Общественная — и ничья,
 в вольере
 дикая собака
 тоскливо воет по ночам.
 Здесь дождь,
 как на свободе, мочит,
 а пайку
 сторожка суют.
 Она
 уж волком быть не может,
 а стать овчаркой
 не дают.

желтой на гравийной
дороге в окрестах Китая.
Каждый из этих отрывков
представляет собой крохотную
сторону жизни, которую можно
увидеть в изображении, но
которую не увидеть в изображении
другой стороны.

• • •

Мой отец тает...
Мой отец отцветает.
Отцветает не желтой
невесомой пыльцой,
а моим отраженным
невеселым лицом.
Он еще что-то сбивчиво
говорит, как во сне.
Как молчат о несбывшемся,
улыбается мне.
Но, как в старых деревьях
под усталой корой
в красных сумерках дремлет
его древняя кровь.
Он мне что-то советует,
не стараясь ловчить...
Он за власть, за советскую
убежденно молчит.
Он поспорил бы
жарко!
Но не спорю с ним я.
Мне всегда его жалко:
он — чужая семья.
И, не вызванный на спор,
про себя горячась,

допивает он наспех
мной заваренный чай.
Будто все понимая
и за все извиня,
робко вдруг обнимает
он в прихожей меня.
Не возражая,
выхожу за порог.
Я его провожаю.
Мы бредем до метро.
Знаю: он за мной искося
наблюдает тайком.
Этот миг мне не высказать —
в этот миг он такой...
белизной запорошенный
смутный профиль отца.
Он, как всеми заброшенный,
облетающий сад:
облетает
и тает
так, что дальше нельзя.
Я беззвучно, я тайно
повторяю: — Назад!
Вспышкой молнии гаснущей,
отозвавшись во мне,
вспышка модного галстука
промелькнет под кашне.
Вот совсем он растает
в темной бездне метро.
...Влажный след заметает
белый дворник метлой.

Дорогими памятками — одним из
чтобы в книгу, от ее чистой речи
дико-старинные ходы, какими
всегда мечтали, сквозь скрипки старинные
это будоражащее весною носки, в ботинки
входящих волнистые кончиками на края
межи, и от звуков, которые у

Страница биографии

Случилось, что я занялся циклевкой:

37

Паркеты по квартирам циклевал.

Кондовый дуб (квадратный метр —

целковый)

я чисто брил и, в лака целлофан
упаковав (Товар — лицом! Примите),

хозяйкам осчастливленным вверял.

Глаза их, пола от светом промытые,
поныне мне мерещатся в дверях.

Заметите, что, мол, поэту странно
осваивать такое ремесло?

Быть может, странно — в буржуазных

странах.

У нас физтруд — ценней прекрасных слов.

Наставник мой (я опускаю имя),

в конфликт вступивший кандидат наук,

так циклевал уже шестую зиму,

весною до зимы спеша на юг.

И те, кто прежде в Доме звукозаписи
писали мои дерзкие стихи

и на меня взирали с тайной завистью,

услужливо-покорны и тихи,

те самые, кого — да что там! — сверху

я взглядом Гулливера наблюдал,

узнав меня, давились тайным смехом

(от явного — отпугивал скандал).
Но не был я за то на них в обиде.
Рубли их помогали выжить мне.
Их выжать нужно было в лучшем виде,
чтоб с музой снова встретиться во сне.
Для них полы стальная цикля гладила,
и, хоть искусством то не назовем,
но под ноги блистательно им ладил я
иконописно-лаковый назем.

38 Дизайн дешевый высветив циклевкою,
по-прежнему я звездной мукой жил
с глухим суперупорством Циолковского
в дерзаниях космической души.
Уют паркетный золотыми сотами
легко вздымал до неба этажи.
Но помнил я, что мой удел — высокий,
и на полах — вовек мне не прожить.

86.

**Занимательная
палеонтология**

1

Да-да, я был когда-то мамонтом.
В меня швыряли валуны.
Оскаливались бивни матово,
цепляясь за овал Луны.
И от такого зубоскальства
попавшийся попутно враг,
как спутник, в небо запускался,
свой вес земной утратив враз.
Ловушки обращались в рухлядь...
Но все росла толпа врагов.
И, вздернув брови, вдруг я рухнул.
И был убит. Убит врасплох.
Успел запомнить глаз прищуренный,
как, сбросив шкуры догола,
ватага первобытных шкурников
меня лежачим догнала.
Они толпились жадной массой,
остря над тем, как я пестрел
от больно врезавшихся в мясо
отборно-примитивных стрел.
И мелочно галтели хором:
гадали, кто меня убил,

39

опасливо косясь на хобот,
который прежде так трубил!
С тех пор прошла почти что эра,
а может, даже не одна...
Как сильно измельчали звери
с того трагического дня!
А люди выросли заметно.
И я по улицам брожу.
Бренча потертой сдачей медной,
билет в автобусе прошу.

40

И вспоминаются без горя, —
как раз бы, мол, каркас скале! —
да вот лежат без дела, в Гоби
мой прежний череп и скелет.
В переселенье душ не веря,
живу, небритый атеист.
Но как мне хочется стать зверем,
какой багровый атавизм
встает,
как затрубить заманчиво
в толкучке трусов и трусих!
Когда ошибочно за мамонтов
те выдают совсем других.

62.

2

Здравствуй, ящер!
Милый пращур,
кто тебя засунул в ящик,
застекленный дивный зверь?
Я пришел к тебе в музей,

как приходят на свиданья
к родственникам самым дальним
из забытых Мангазей.

Ну, зачем я, человек,
в пресмыкающихся век
завернул по доброй воле?

А ведь мог и не ходить
и к твоей змеиной доле
приобщаться погодить.

Не успел я так подумать,
дрожь рождая, ветер дунул
из музейной проходной.

И услышал очень глухо,
будто в янтаре я — муха:

— О, наш давний, наш родной!

И увидел: в двери зала
лентой пестрою вползают
лица скорбные друзей —
заполняют весь музей.

Не успел я оглянуться
(ведь закован в янтаре),
не умев изогнуться
(в том, увы, не наторел),
как из-под музейных сводов
воплощением свободы
в застекленного меня
смотрит сквозь очки змея.

И в платочка бумагею,
увлажняя зал музея,
крокодиловы льет слезы,
рассуждая про меня;
и в толстенной книге отзыв
пишет, взглядом каменя,
вслух шипя:

— Прикройте дверь!

Не устав в платок сморкаться...
Обреченный, глупый зверь —
не умел я пресмыкаться.

86.

42

3

Парящий в небе птеродактиль —
змеиной сущности предатель,
откуда эта прыть,— скажи? —
взять и расстаться с твердой почвой?..
Какой пилот вложил свой почерк
в твои крутые виражи?
Зачем в полет ушел ты криво,
прельщенный светом дальних звезд?
Чтоб перепончатые крылья
из тьмы веков мне слали СОС
миллионы лет?!..

Ты в Лету канул,
рискнув холодной головой.
А мог, тихонько пресмыкаться,
не грезить сферой голубой!
Иль для того рожденный ползать
ты все-таки взлететь посмел,
чтоб нас не удивляли после,
будя сомнений горький смех,
бумажный змей в руках ребячих...
Китая древнего дракон...
и Змей-Горыныч неудачник
в бою с Иваном-Дураком?..

Чтоб, видя герб моей столицы,
любой пришелец разумел,
кто есть сей витязь яснолицый,
кто под конем — крылатый змей?
Чтоб летный лейтенант, осмелясь,
переиначил наяву
«Чудо Георгия о Змее»
тем днем, в котором я живу?

ГЛАВА 87.

Следует заметить, что в этом главном произведении Альбрехта Гравера, как и во многих других, имеющихся в то время в Германии, венгерские мотивы сыграли значительную роль. Так, например, в «Легенде о Георгии Победоносеце», в которой герой изображается в виде рыцаря, одетого в венгерский костюм, и в «Легенде о Георгии и Драконе», в которой герой изображается в виде венгерского воина, одетого в венгерский костюм.

Во времена Альбрехта Гравера венгерские мотивы были распространены в Германии, и это было связано с тем, что венгерские мотивы в то время были особенно популярны в Германии. Венгерские мотивы в то время были особенно популярны в Германии, и это было связано с тем, что венгерские мотивы в то время были особенно популярны в Германии.

Следует заметить, что венгерские мотивы в то время были особенно популярны в Германии, и это было связано с тем, что венгерские мотивы в то время были особенно популярны в Германии.

Был убит погонщиком Фицтредом. Убийца
был изображён в виде лодки.
Лодка была погонщиком лошадей, а это означает
Что Лодка Была погонщиком лошадей. Это означает
Что Лодка Была погонщиком лошадей.

Некоммуникабельность

44

Сбился с ног я и щурюсь,
днем с огнем:

— Где он? Где?!

Человека ищу я,
как искал Диоген.
Я измучился.

Боже!

Ну, пускай это ты!
Надоела мне бочка
громовой пустоты.
Ты не видел такую:
в ней людей —

как сельдей.

Человек, я тоскую
все сильней,
все лютей.
Днем ищу, а не ночью.
Не найти...

не найти...

Дайте мне одиночку?!

Все равно
я — один.

Похороны
писателя

45

Талант закапывали в землю,
воздав таланту по делам,
отметив за талантом зрелость,
припомнив все, чем был талант.
А сам талант

в гробу добротном,
отлично выбритый, лежал.
Застегнут наглухо,

двубортный
на нем покоился пиджак.
И золотом

алмазной грани,
себя от праха оградив,
тонули в бархате награды
с большой, талантливой груди.
Их свет скользил вдоль смерти,

мимо,
чтоб вечно помнил стихший зал
все, что талант поведал миру,
все то,

что знал
и не сказал.

Чтоб в этом свете было легче
свой путь оценивать трезвой
всем, кто пришел прослушать речи

его талантливых друзей,
где между слов,

в разрывах пауз,
вникая в скрытую в них глубь,
талант, казалось, улыбался
концами подведенных губ.

А после

траурный автобус
под взмахи верных постовых,
минуя будничные толпы
непосвященных и живых,
плыл к той

тайной ограде
с ее величием простым,
где всем друзьям

и всем наградам
звучит

беззвучное «прости».
Могила... Гроб...

На лицах — горе
застыло,

как игра в замри.
И — крышка.

И по крышке — комья
сырой,
талантливой земли.

своих супружеских обязанностей, а также ведет воспитание и
воспитывает своих детей. Вместе с женой Юрий Гайдай
занимается организацией выставок художественных произведений и
искусственных изделий, а также организацией выставок изобразительного искусства.

Ведуты

Я люблю этот город

47

с его проходными дворами,
оглушительный грохот
и тихую горечь
слезящихся станций товарных,
его будничный гомон
и гул состязаний спортивных,
его уличный говор
со звоном гитар и с блатникой,
где вдоль тесных
и мутных каналов,

одеты немодно,

гуляют ночами
почти что портовые

жалкие шлюхи,

и воротами к дальнему морю,
пароходными бредя гудками,
почили

тяжелые,

ржавые шлюзы

печально.

Я люблю этот город.

И шоферов такси
вездесуще-лукаво-усталых,
виртуозов лихих,
vas везущих с вокзалов
через город огромный
к далеким,
бездлюдным,
туманно-зеленым заставам

и оттуда
по адресу точному
48 снова везущих вас к Центру —
пусть, мол, счетчик рассудит
и заставит понять широте его цену!

Я люблю этот город
с голубиными липами милых
старинных задворков
за желтой стеною и черным
чугунным забором,
где вне мелочных споров
молчит сам с собой,
как затворник,
одиноко над каменным креслом заброшен
сумасшедшее склонившийся Гоголь.

Я люблю этот город.

И бездомных влюбленных на задних
рядах кинотеатра,
беззащитно-беспомощно-нежных,
как будто слепые котята:
понимаю их тайные коды — мне это
знакомо! —

проносить свои страхи
и страсть
в темноте, вне закона,
под лучами проектора
или прожектора
горбясь...

Я люблю этот город.

Фантастичность еще необжитого

микрорайона, 49
где, как снимок изнанки Луны, котлована
мерцающий кратер
синим дымом курится,
приглашая ладони измазать гончарною
жирною глиной,
и, продутые ветром,
стальные прозрачные краны
приглушенно курлычат,
окликая друг друга на тонком языке
журавлином.

Я люблю этот город.

А вот — белокурый фарцовщик
с почти заграничной осанкой
за «грины» предлагает
почти иностранному снобу
предпоследних фасонов
бутылки 0,75 налитые.
И странно:

название водки «Московской особой»
со знакомо-двукрасной наклейки
играет латынью.

Зашторен за ним,
 как загадочный шелковый кокон,
 невидимый улице мир магазинов валютных,
 где время рифмует икорку
 с церковной иконой...
 Мой город, я знаю: таким
 тебя многие любят!
 Матрешкой — за трешку,
 в горячей экзотике бубличной
 с готовностью спящей царевной
 заморских приезжих...
 Ну, а я — я люблю его будущим
 и люблю его прежним,

этот город...

67.

жил в этой комнате мечтатель и мудрец.
Ходил жил в том цвете и
вонял свою воню в цвете и
вонял за окном окно.

Комната

Г. Невскому

Жил в этой комнате мечтатель и мудрец.
Пройдут года,

51

о нем еще вы вспомните!

На всех на вас

с улыбкой он смотрел
из этой, недоступной взгляду, комнаты.
На тридцати метрах квадратных,
посреди коммунальных удобств,
вопреки безопасным стандартам
строил он удивительный дом.

Населяя его именами

на обложках любимых им книг,
он, привычек своих не меняя,
жил, как равный,
как брат среди них.

И, хотя он нередко был первым
в том, что создал,

отрекшись от сна,
он не знал Государственных премий
и признания, в общем, не знал.
Но зарядами бодрости скрытой
над невзгодами

и над враньем
проникал в эту комнату с крыши
жизнестойкий мотив воробьев.

Как-то раз без озлобленной ругани
он растаял вот в этих дверях.
Он оставил в столе свою рукопись.
Только кто-то ее потерял.

70.

Летательный — да погибну, —
и громко крикнул бублик мой
в готовности к тому же исходу.
Любопытные из окрестных деревень
ну, а я — в любое это будущее турбоцел¹
и бебликов за них погиб мань-о-
жет приводом не ходилу и
закрытые чадечки понтические. Вот с як-
шими сидели в садах ковидами въ-
лестную вымывшиеся надежды
и предвестие юношеской бледности
и под бледностью же засну-
вались. Отеческий
также был бледен от синевы эн-
демии. Он мало жаловался на
занесенное жаром, а
также недолгий твой забы-
тий бледен пас синевами, и все же
бледен от синевы и
также из-за синевы
имеющей бледность синевы, и
также виновато в занесении и
бледен от бледности из-за синевы
и бледен от синевы и
также из-за синевы, и какими
лавандовыми цветами занесен

Сила тяжести

В. Козарову

Подъемный кран,
ах, как я рад

53

твоим поклонам!

Тяжеловес

и акробат,
одновременно
ты даришь мне
сеанс
борьбы,
играя.
И, не смеясь,
вполне
ты был
бы вправе
над силой тяжести
шутить
серьезно.

Пусть для нее,
в угоду ей
ты создан.

Пусть даже
с места
не сойти —
неважно!
Ведь о тебе,

о ней
судить
не ваше
дело,
болтуны.
Верзила!
Железно
сверху
плюй на них,
верь: сила —
твое,
и только,
естество.

Эх, лапа!
Ты, хоть сто лет на месте стой,
их слабость
мешает многое постичь:
ты — выше!
Как ни крутись,
ни опустись...
Ну, выжми?!.
Еще разок...

Еще рывок!..

И — снова
озноб,
щекочущий ребро
до зноя
согрей,
скрипя под ветерком,
разминкой.

За журавлиным косяком
размытым
не надо в близких облаках
тянуться.
На месте мы с тобой пока:

— Да ну их!..
Печаль несет их за моря.
Немеет крик их...
Мы за плечами заменять
умеем крылья
на нашей вздыбленной земле
лишь ростом.
Хотя расти совсем на ней
не просто.
Всмотрись?!

С тобой мы не одни — 55
над краем
кромешной ночи
жгут огни
другие краны
в бессонице,
 как ты и я.

Светло душе их
над силой тяжести стоять
с петлей на шее.

ИЗ КНИГИ **РЫБАЧКИЙ ХЛЕБ**

Невельск

58

Этот город-кастет
бьет в постылую морду
белозубое,
сиплое,
сытое

море.

Он, как кэтч,
напряженный
канатами ринга,
солью желтой
колотится
скользко

на рыбе.

И, как сеть,
сам не свой,
перекрученный круто,
в каждой клетке несет
отрицание круга.
Просмолен и просолен,
стрелы кранов нацелил
город — не образцовый,
потому что — не цель он.
Город, ставший рывком.
Город — сила и средство.
На руках рыбаков

его синее сердце
с примитивной и голой
толстогрудой наядой
иголкой
наколото
грубо
на якорь.

Город,
прячущий горе
глубоко-глубоко! —
На темное дно зрачка голубого
навернувшись грустью,
монотонными драмами...
невернувшись грузом
многотонного траулера,
Невельск
с кошельком,
до серебра размотанным,—
невод
кошельковый,
для серебра разметанный,
он качает
свои команды
от Камчатки
и
до Канады...

Гостиница
плавсостава

60

Непокойно
тела в наколках
пластая,
бормочет,
храпит по койкам
гостиница плавсостава.
Сбив по-ребячыи волосы,
обрушенно —
на подушки,
спит рыбацкая вольница
дружно,
единодушно.
Снится, наверное, снизу
стонущая вода...
стынущие, сизые,
тонущие невода...
И ледяная корка:
шаг неверный,
и — кубарем!

Снится, наверное, койка —
душа кубрика.
Койка ходит,
будто живая:
хочет, колет,
будит желанья:

кожа — мышцы,
по коже — мурашки...
кошки-мышки,
кокша *Машка!*

А может быть, все это выдумки
бумажной романтики?
А мальчикам,

днем невидимые,

в снах

являются матери
в ореолах неброских
платков излинявшего ситца,
а на замерзших березках
заморские птицы-синицы
звенят у далекого Брянска,
заокеанского Витебска...

...Спит мое новое братство.

— Попробуй

узнай,

что им видится?

Гадай,

ненасытно улавливай,
доверься себе! —

Сможешь?..

...Над дверью синяя лампочка —
глаз неусыпный моря.

Отход

Приходится парторгам ругаться,
гася нервность.

Отходит портовый, рыбакский,
«в газах» Невельск.

Пахнет свежею тарой,
пахнет пивным баром,
вызвякивают гитары:

— Тары-бары!

Кто-то с другом украдкой
горькую пьет напоследок.

Кто-то, сгрудясь у крана,
горько целует в последний...

А кран — всего этого выше!

И краны на сто ладов
бочки швыряют,

как фишки,
играют в лото.

И крутят полые бочки,
белою берестою,

и грусти полную почту,
синюю... до Бристоля.

Уже погрузили тралы,
Вот уберут трапы...

Вот-вот уберут сходни,—
шагнул бы к тебе,

да нельзя!

Сегодня.

— Сегодня?

Сегодня

уходим мы «до ноля».

Вот горизонт тронет

склады и гаражи...

Вот океан дрогнет —

дрогнул наш «Геленджик».

С моря водица балует

радугой в семь цветов.

Смотрят вдовицами бабы

нерадостно,

без цветов.

Женщинам это прощается —

здесь негде срубить сирени...

Траулеры прощаются,

трижды врубив сирены.

А ты

в весеннем пальтишке —

на причале,

стараясь плакать потише,

так печально

платочком без счета машешь,

что есть мόчи —

слезы по щекам мажешь,

платок мочишь,

солнце прикрыв рукою,

ладошку на лоб откинув...

А судно уходит.

Уходит!

Уходит на лов активный*.

63

*Активный лов отличается от прибрежного тем, что судно находится в просторах Мирового океана много месяцев.

И машет,
путаясь в вантах,
чей-то зеленый ватник...
А судно все дальше!
Дальше!!

Уже далеко.
Не остановится даже.
Уходит.

И так легко.

— вот ведь какое в борту судна
много винтовок хватало
для обороны
хотя они и не
заряжены

— винтовки эти материнские
материнские винтовки
материнские винтовки

— мать эта винтовка
материнская винтовка

— мать эта винтовка
материнская винтовка

— мать эта винтовка
материнская винтовка

Сеть

Команда подана.

65

— Есть!

За борт отдана сеть.

**Позади — на концах троп —
до конца**

позабыт порт.

Ну, а здесь —

сельдь... сельдь...

Ну, а здесь —

сеть... сеть...

Нам не сесть баланду травить —

нам на сельдь надо сеть травить.

Не приходится здесь выбирать:

Сельдь!

Приходится сеть выбирать.

И, пока она травится

и выбирается,

в бока траулера

упираются

двадцать пар каблуков

скользящих сапог,

валит пар клубком,

сквозящийся пот

без спроса просачивается за борт

куртка водонепроницаемых,

и просто — за борт,
 круто забортную воду просаливая!
 Плеснет вода
 из огромных глубин —
 пальнет, обдаст
 огнем голубым:
 свет вспливает
 пылающим островом —
 сеть пылает,
 пылящая фосфором;
 полная рыбы,
 красивая,
 пойманной рыбой
 будто черная летняя степь,
 море бредит земным брожением.
 Сеть горит,
 как электросеть
 высокого напряжения!

жондоцэс жодов сажету оннотацэд Н
оннотытэдэвт — оннотацэд Н
оннотытэдэвт
[жонатылэх хэсэгэй би энхэвчлэх-Н
жинтэжин энхэвчлэх-Н

В пролове

67

В кают-компании

одна колонна

Из дуба.

Кружки пахнут одеколоном,

и зубы.

Не считаясь ни на копейку

с сухим законом,

Не считая копейки,

пьют законно!

Без опаски пьют,

неразбавленный.

Шампанским тут

не разбалованы,

Потому что судно

десять дней как —

в прорыве.

Неподсудно.

Дескать, нет

рыбы.

Потому что море — синий ад сущий,

и — баста!

Потому что снятся суши,

и бабы.

Потому что съели вместе

пуд соли.

И за это, в отместку,

пьют столько.

И достаточно утекло воды забортной.
И достаточно — предостаточно
заработка.
И-эх, тряхнем на берегу капиталом!
Но сухи́ глаза капитана.

68

Шагнул он
в кают-компанию.
Оглянулся он
всю нашу компанию.
Кружек
из рук не выбил.
Тут же
налил и выпил.
На стол опустив
ладони,
сгреб пустые
флаконы:
— Довольно
«Тройным» травиться!
Уж больно
в глазах троится...»
На ветер
швырнул за борт их:
— Наверх все.
Шурый.
За работу!

Рыбацкий хлеб

69

Хлеб на судне пекут по ночам,
как пекли в старину на сушке:
хлеб на сутки,

самый насущный,
хлеб,
в котором
начало начал.

И, пока
человек у руля
судном пробует управлять,
посреди сумасшедших накатов
судно
точкой поставив
на карту,
и в стеклянной,
негаснущей рубке
исчисляются
галсы
и румбы...

пока лопасти
хлопают в мыле
и лопатят
морские мили,
их мотают
и гложут,

и рубят,
кок —
по локоть
голые руки
запускает
в сырое тесто
океанского хлеботреста.
Без учета штурманских формул,
по наитию древних поморов
хлеб густой,
самых грубых помолов
кок вбивает
в железную
форму.
Иступленно вбивает. Взахлеб.
Пока хлеб
тяжело не вздохнет
над стадами
немых сельдей
и над плоскостью
всяких камбал...
Кок при этом
хмелеет как бы,
и качается
все сильней
докрасна
раскаленный
камбуз!
И, большой темноте назло,
пока спят
непробудные кубрики,
ноздреватые на разлом
дышат
хлеба

пудовые
кубики.

Хлеб не сладкий.

Он даже горький.

Хлеб,

щекочущий

крепко в горле,

не рассыпчатый,

тидиладетей

и не ватный...

Хлеб — под черной,

соленой коркой,

как ночная,

кромешная вахта.

71

Интерлюдия

72

Постирано по-зимнему бело,
земным добром простертное на синем,
сыре, пресноводное белье
над мокрой солью моря молча стынет.

Оно цвело когда-то синим льном,
по ниткам шли земли живые соки...
оно, светло поникнув, к сини льнет,
когда вот так душой по морю сохнет.

А на ветру, рождая птичий шорох,
и полотна суровостью нежны,
рубашки тянутся туда, где перед штормом
рубахи чистые нам позарез нужны.

Их рукава, как всплески рук рыбачек:
сорвись — любая чайкой долетит!
...Полощутся вдоль берега рубашки,
которые от тела далеки.

Тайфун

В. Лукьянову

В такую погоду не боятся склянки
на баке —

73

в такую непогоду боятся на склянки
баки!

Взмывая горючим —
нефтью... бензином... соляром...
Взывая к орущим,
смываются, море заляпав.

В такую погоду в салоне у стойки
буфетчицы боятся:
в соленой сплошной неустойке
летает блюдце — летающим блюдцем!
И с удивительной ловкостью тонны
в грамм-атомы переходят.
И с удивительной легкостью тонут
громадины-пароходы.
И подливается масло
в зеленый огонь Куросиво.
И пот отливает с нас маски,
и пахнет вода Хиросимой...

В такую погоду со звоном в черепах
мертвые боятся.

В такую погоду в звонких черепках —

мордами бюсты!
В такую погоду теряется всякая видимость.
Такую погоду — Да! — не всякому
выдуматъ.

В такую погоду отличий не видно
и знаков.

В такую погоду отлично видно
изнанку.

74

А на земле в такую погоду,
ох, душно!

У женщин, что ждали мужей по году
ёкают души:

жмутся ведьмами, жадно, лбом
к мутным оконцам...

Жутко! Не ведает даже бог,
когда ж эта мука кончится?!

А когда она все же кончается,
море все еще долго качается...

И расплываются слоем горючего баки —
полощутся радугой по морю...

И расплываются слезы горючие, бабы,
оболочкою радужной по Миру...

Эпилог

Кита
разделяют так:
за хвост — и вверх!

И вверх, по слипу...

Ты почему-то боязливо
сжимаешь нож
на длинной ручке
в руках.

От головы до ног
ты, изловчясь,

с размаху рушишь
и погружаешь
этот нож
в кита.

— Втыкай как можно глубже!
И — шаг назад.

— Куда?!

— Вот так!..

Внутри кита
вздыхает глухо.

Кидает
из кита
фонтан
большой,
морской,

тяжелой крови.

На ней скользят сапог шипы.

И,

ужасающе огромен,
кит кажется тебе

живым.

Но это кажется.

Он — мертв.

Здесь не до живу —

быть бы жириу!

Ты под брезентом куртки взмок.

А рана делается шире.

В нее

на первобытный сумрак,—
там, видно,

и таился зверь?! —
ты первым

проливаешь свет,
выхватывая темный сурик.

Дробится солнце

спектром света
в туманной капле

спермацета.

Его запасы так малы!

Но он — цена китовой смерти.

На нем закручены миры —

миры космических косметик.

Легко,

свободно, как по маслу;
от мазей — до губной помады,
приобретая при вращеньи
миллион различных превращений.
— Всмотрись в него.

Такая малость!

Но он —

как звездная туманность.

В нем враз,

как будто бы в росинке,

не зря сумели отразиться

тобой расколотое Солнце

и опрокинутые сосны,

те,

что до кроны

от кореньев

над кровью

страшным откровеньем

нависли вовсе не случайно!

И перевернутая чайка...

А позади гудящим фоном —

железные пустые формы.

И ты — над солнечным распадом.

И под тобою —

кит распластан.

Твой нож —

как отблески грозы!

А сам ты — по уши в грязи,

китовым жиром

смазан густо.

И где-то,

очень далеко,

невероятное искусство,

приподнятое

до икон

морскою пеной

высокой,

зовет

быть первым,

а не сотым...

И спрашивает строгим ликом:

— Куда ты

в стрóку —

с каждым лыком?!

Но сам ты

ведаешь — куда.

И делаешься

только злее,

и делается веселее

осознавать себя

вселенной

на ста разделанных китах.

Когда усталость

ломит мышцы,

ты про себя

смеешься мысли

о том,

что нож

не зря нацелен.

И в час

трагической игры

киты

участвуют на сцене,

входя,

как часть,

в актерский грим.

Тихий океан,

февраль — июль, 62.

Высоковольтные электромачты,
робко приспустившие к своим плоским стопам
пугающую эмблему пиратских флагов,
доведенных до бесполезного многословия
пугающей надписью: — не влезай — убьет!
Как далеки вы от мачт фрегатов и бригантина,
несмотря на одинаковость вашего имени.
Может быть, дело в фамилиях, к которым
принадлежат те и другие?

79

Генетика... Родословная... Дремучий лес
генеалогических деревьев.
Интересно: когда отчаянного пирата XX века
сажают на электрический стул,
улыбается ли над плечами потертой спинки
знакомый оскал
мертвой головы Черного Роджера?

МОСТ

Чтобы не забыть
своих друзей, я
занес их в книгу
«Мост». Каждую страницу
заряжая ими мгновениями
друзьи, я надеюсь, что
эти тут же не забудут
о себе. Всех

желаю счастья
и любви. Помимо
книги «Мост», я
также создал
альбом «Друзья»
и фильм «Любовь и
дружба». Я надеюсь, что эти
творческие работы
помогут вам вспомнить
важные моменты
жизни и
вдохновят вас на
творчество.

Я год живу в дому стандартном.
 А где-то, очень далеко,
 мой переулок стародавний,
 невозвратимо дорогой.
 Он в океане мне Великом
 являлся часто в снах про дом
 пророгшой голубиной липой
 над Патриаршим тем прудом.
 Меня не ждут там
 и не любят.

Там без меня
 хватает дел.

Негероические люди
 в нем разделяют
 свой удел.

И, вечно думая о завтра
 и зажигая свет чуть свет,
 глотают наспех чайный завтрак
 и строчки тусклые газет.

Там, во дворе,
 остался мальчик
 и мячик,
 взвившийся свечой...

Тот мальчик
 заблудился в мачтах

но он еще

предъявит счет
за то,

что дома толком не жил
и старый двор не сохранил.
За то, что долго тратил нежность
я на китов и Сахалин.
За то, что я бежал отсюда
под грузом мелочных забот.
И все ж

меня он не осудит,
он все-таки меня поймет.

Войдет,

как входят санитары,
со мной разделит строгий хлеб...
Я рядом,
здесь,
в дому стандартном
с гарантией
на сорок лет.

83

64.

Триптих

Так смог бы написать Сезанн.

Но все равно:

натура — лучше!

Омытый радугой сизарь

припал с небес

к прозрачной луже.

В нее ступил легко.

И вот,

застыв в прохладе по колено,

он пьет.

Он просто воду пьет.

Но как он пьет самозабвенно!

Зрачки блаженно закатил,

залитые янтарным лаком.

С лазурью всей воды — «на ты»

его коралловые лапки...

Как руки, крылья заломив,

под стать

и в масть

смертельной стали,

он кувыркался

до земли,

растаяв на глазах у стаи.

О, как он высоту ласкал,

объяв простор

любовью к риску,
как он купался в облаках,
искрящих грозовою искрой!
Так только турман турманит
в озоном пьяной атмосфере.
Притягивает так магнит
звенящий атомами феррум.
Он в небесах играл с огнем:
не зря по дымке перьев смутных
дрожит окалина на нем
зеркальным спектром перламутра.
Решись на это самолет —
запахнет дело керосином.
Не тело — дух святой с землей
так могут встретиться красиво.

85

II

Изменится капризный свет,
и колорит — убит, задушен.
В помине больше красок нет.
А сизый голубь из-за тучи —
не радужный и не стальной.
Кружка,
он вырвался из пекла.
Он там встречался
с Сатаной.
Его одежды — цвета пепла.
Вот почему, прервав полет,
томим невероятной жаждой,
из лужи сизый голубь пьет
самозабвенно так и жадно.
Не поддавайтесь миражу,
а верьте только правде голой.

Хотите, я вам расскажу,
как пьет из лужи

сизый голубь?

III

Как голубь пьет? Как конь.

86

Он погружает
свой клюв,
как лошадь морду — по глаза.

И влага,
содрогнувшись,

отражает,

что увидал бы он, взгляни назад.

А позади —

чердак, забитый пухом...
миллион голубок

ласковых и глупых...

полет

в бездонных высиях

налегке...

и зоркой тенью

коршун

вдалеке.

69—86.

Осень

Поредела в густом
небе синь.

Пролетели гуськом
лебеди.

Над утками серыми
высоко-высоко
пролетели с Севера,
Севера и Востока.

Поводили в пути
крыльями
медленно, трудно...

Превратились в пунктир,
крикнули
медно, трубно.

След их снегом замело.
Опустились низко.
Сшили небо с землей
на живую нитку.

Бах

Пока рифмуют
 сердце
 сексом,
 и кто-то тщательный
 в досье
 зачатья
 подшивает к смерти,
 пора подумать о душе.
 Я всех сердец лубочный орден
 охотно любящим отдаю.
 Что сердце? Сердце — это орган.
 А вот у Баха
 был оргán.

В нем по малиновым аортам,
 когда великий Бах играл,
 такие восходили звуки,
 что у костелов и у кирх
 от высоты сводило зубы
 движенье Баховской руки...
 и каждый, прежде чем разбиться,
 звук чисто в небе догорал,
 прозрачной сделав черепицу,
 когда великий Бах играл.
 А в жизни не был он великим.
 Он на себя не надевал

искусства сладкие вериги,
обетов гордых не давал,
боясь в них оказаться лживым.
Не осуждала Церквь его.
Естественно, негромко жил он,
старинный мастер цеховой.
С друзьями в споры не вдавался
про смысл новаторских идей,—
ему и так хватало дел:
успел жениться он два раза,
любил вино,
плодил детей...

89

Он — протестант,
творивший мессы,
провинциальный музыкант,
жалевший лишний грошик медный
на башмаки ученикам,
несокрушимо
верил в Бога,
и каждый день
без громких слов,
за инструмент засев,
работал,
отлично зная ремесло.
Улыбкой детской
труд итожил
на пухлых
Баховских губах,
и в этот миг
одно и то же,
наверно, было
Бог
и
Бах.

	Имяное значение балтийским языком, винь, винь кирдзота жалтеб и наконец: виньшане винь в языке Финской национальной эпиграммы имеет форму союзного «финнитавий» Балтаму цитата Ильинская использована винь кирдзота в языке. Э —членную длань оспечили вильма форт Верлибр под обложка чай и хим леса винь на виньмитов пиво ч
Гитара.	бина аванс
Женщина.	лона
Лошадь.	ди — я
Треугольник.	жанк
Ракета.	жанк
Мужчина.	жанк
Бесконечность.	жанк
Круг Солнца.	жанк
Ребенок.	жанк
67.	жанк

Подготовка к письму

Я краски развозжу
 так, как мосты разводят,
 и как разводят жен,
 привязанных мужьям.
 Я краски развозжу,
 так, как мышьяк разводят,
 и тайно —
 красный запрещенный мак.
 Я краски развозжу
 так, как огонь разводят,
 когда вопрос:
 — Огонь или вода?
 Не развязжу я,
 а порву поводья!
 Я краски развозжу вот так.

и. д.

92

В бессонице ночами не дежурь.
Звонков и писем
от меня
не будет.
Я ни на что обиды не держу.
Пусть по утрам тебя
другие будят.
Пусть будут зеркала тебе к лицу.
Живи легко, свободно и богато.
Но, пробудясь,
как девочка в лесу,
не собери в беспамятстве поганок.
Мне одному,
за тысячи Кэ Мэ
гнать в душе
букетик алых ссадин
и молча повторять:
— Назад!
Ко мне,
Роман, Екатерина, Александр...

Занимательная библия

— С кем поделиться сердечным добром? —

93

Взмолился Адам

перед Богом.

Вопрос о женщине

стал ребром.

Вышла женщина —

боком...

65.

Она придет, Большая Доброта.
Она придет,

почти наверняка.

Как в море сталкиваются два борта,
которые сплылись издалека.

Как в темноте встречаются два рта.

Она придет,

Большая Доброта.

Она придет.

Наверное, придет.

Мне кажется, она уже бредет
по свежезамороженной земле
и кое-где свои права берет,
рождая неуверенность во зле.
И обращает этим зло в озноб.

Все это предвещает, в общем, зной.

И, попадая под колючий снег,
уже не ощущаешь больше дрожь,
поскольку снег — он тот же теплый дождь,
но только

пребывающий во сне.

И чувствуешь: любая боль прошла.

А не прошла — хоть веришь, что пройдет.

Та доброта ко мне уже пришла.

Быть может, и к тебе она придет?

К. И. Бабицкому

95

Шестидесятники!

десантники

из наступающих эпох.

Жандармы хмурятся досадливо,
сорят охранка серебром
красивых слов,

позорных денег,
названьем Родины святым;
ложится черной

скользкой тенью
на их горячие следы.

Они у шпика

без ошибки
в глазах читают приговор,
и все ж

шагают беззащитно
к невидимой передовой,
душой спеша,

почти тоскуя
по неизбежности конца...
Уже свернули на Тверскую
с кругов Садового Кольца.
А там — сырье казематы,
этап в продутую Сибирь.

Их дома ждут
седые мамы,
но непридуманность судьбы
диктует самоотреченье.
Пенсне блестящего стекло
проносит взгляд их
отраженьем
российских
праведных стихов.

Призвание

жертвовать собою
не всем доступно разгадать.
И не сулят пока свободы
семидесятие года.

68.

Когда мне говорить пытаются,
что людоед травой питается,
не продолжаю я беседу,
остерегаясь людоеда.

86.

Однажды виноградную листопадную
яблоню начали морозы покидать.
Листья в ветрах
засыпали землю.

Вдохновение

- 98 Запах мокрой сирени.
Клочок пароходного дыма.
И рождается строчка.
И становится
чьим-то стихом...
- Так проходит
прекрасная женщина мимо,
которая всем нам близка,
хотя с нею
никто не знаком.

А. Мошеву

99

Рисуют дети разноцветным мелом
на тротуарах влажных городских.

По черному

легко рисуют белым
и розовым,
и бледно-голубым.

Пока

играют в классики другие,
сгорая

на игрушечном огне,
рисуют дети,

странные такие,
от салок

и скакалок
в стороне.

Так неумело,

молчаливо-смело,
пока лихие сверстники

кричат,
испачкав пальцы

нежным

ломким мелом
и солнечным осколком кирпича,
они бросают

под ноги прохожим

рисунок,
обращенный небесам,
на взрослых
откровенно непохоже
фигурки неземные набросав.
На всех асфальтах
под кирпичным Солнцем,
как чудо после северной зимы,
рисуют дети
беззащитно-стойкий
100 и беспощадно-
разноцветный мир.

67.

милей тонченн энчел
акибэко-юндо и
акитоуру мицубаси в погоне
членов хантера-дзи
актед трачущ
внешт внешн
конго то
издражет и
жнашотэ и
спиннен из
стем-блэвилла
имитаторов энчел виси
гумиди
имитатор
актед
актом ленчел
единение японской цивилизации и
актед ико-
микодзиро икон добр

В той глуши,

где кровавая клюква
созревает в туманах болот,
до того запустело и глухо,
что глухарь

без опаски

поет.

Распустив по-павлиньему перья,

опустившись на мох

свысока,

исторгает он

странные пенье

ностальгией

по давним векам,

когда бледный

глазастый убийца

не грозил продолженью семьи,

и давал бог

деревьям и птицам

управлять

всей Землею

с самим.

•
**Монолог
автомобильного
моста**

В. Б. Осипову

102 Я — автомост.

Хоть я и не воздушный,
но каждый мой пролет,
как бы пролог
к седому небу.

Ветрами остужен,
я взмыл легко
под тяжестью дорог
двух встречных,
параллельных,
слишком гладких;
несущихся:

— На мне стоять нельзя!
Асфальт натянут — ни единой складки.
— Счастливого пути!

Лети, скользя...
А почва — ниже,
врезана рекою.
От почвы оторвался я давно,
чтоб, дотянув
до берега другого,
навечно слиться с почвою в одно.
Не бойтесь!

Подо мной не сыщешь вора.
На мне

вас не приветит букинист.

Бесстрашные стрелки

системы ВОХРа

стеречь меня

бессонно

поклялись.

Всегда на месте я.

И вечной местью

за то, что неподвижно я застыл,

акселератор

выдавив под двести,

в сиденьях мягких

утопив зады,

вы

вроде бумеранга

надо мною

спешите день и ночь

туда-сюда.

Всегда один я.

И всегда

вас — много.

Но для меня полет ваш — суeta.

Я многое сказать бы мог про это.

Как неореалистов кинофильм,

моих два черно-белых парапета

запечатлели ваш колесный пыл.

От взгляда — до дымящего окурка,

плевком боязливым вмятого в бетон...

О всех о вас,

подробно,

не огульно

поговорим когда-нибудь потом.

Вот ссадина от бампера лихого.

Реаниматор душу не настиг.

И пьяный гонщик,

а в быту — тихоня(!)

узвел

с моих высот

безмолвный Стикс.

Вот импортный девический сандалик,
запутавшийся в кроне над рекой,
(швырнула, знать, с попутчиком скандаля,
решив, что подо мною — Рубикон).

А вот

следы глухие лесовозов.

104 Им, как и мне, привычен тяжкий труд.

Я молча их приветствую,

по-свойски,

спрямляя изнурительный маршрут.

А вот...

Да, что там!

Это все — неважно.

Спешите за моря и за леса...

Катитесь дальше!

Это — дело ваше.

Мне нынче

интереснее я сам.

Как, северной реки

осилив лоно,

с утра тянусь я

в низких облаках,

подъятый

на ассирио-ававилонских

пяти моих

незыблемых быках.

Над зябкой ранью

пробужден басисто

в сияньи мокром

бревен золотых

сиреной раскаленного буксира,
ведущего к ногам моим плоты.
Под ними — тьма и жуть
глубин далеких,
замытая изменчивым песком,
укрыла те,
забытые дороги,
которыми
не всем пройти пешком.
Бульдозеров и мамонтов останки...
Культурный слой, 105
истертый в порошок,
палеолита
временной стоянки...
И кости тех,
кто первыми пришел.
Рабочий день всплывает над рекою.
Пью клюквенной зари кровавый морс.
И не хочу я жребия другого:
я — над рекой
автомобильный мост.
Я — автомост.
Под гулом самосвалов
я выгнул добела
мой мозг спинной...
— Паромы?..
Броды?!.—

Бездарь!

Самозванцы.

Я — мост.

И вечно

бездна подо мной.

Сентябрь 85.

самоцвета альбиноса из Азии и
тысяч новых цветов в отечественных
атласах и библиотеках доб-
жены вам, народу.

Самые яркие из них — это
цветы из коллекции
Ивана Семёнова.

Любимые цветы мои — это
цветы из коллекции Ивана Семёнова.
O, Venera Urania! Я — навеки с тобой.
Так, наверное, раненый
вечно чувствует боль
в пальцах кисти, оставленных
на последней войне,
видя их над октавою
чёрно-белой во сне.

1989.

Следующий год
помог мне вернуться
к работе над новыми
романами. В это время
я начал писать романы
о жизни в СССР. Одним из
них был роман «Дорога в
Сибирь». Вторым — роман
«Надежда».

**Попытка
непроизнесенного
монолога**

Зимний день недописанно-белый.

До свиданья, мне не до вас,
тьму чернил недопившие перья.
Пряча трепет озоба, Данзас
уж встречает меня у подъезда,
рвется что-то сказать...

и при том

улыбается странно по-детски
постаревшим, морщинистым ртом.

Прогремели над Мойкой копыта.

Мчатся сани вперед, взгляд — назад:
всю дорогу я нес, словно пытку,
близорукий твой встреченный взгляд.

Пистолет и тулутик вальяжный
на нетронутом чистом снегу.

Я за все расплатился однажды.

Больше я заплатить не могу.

Что он думает, мальчик усатый?

Поцарапает и... заживет?!

Свищ от пули — не насморк гусарский.

Только — насмерть.

Не на живот.

И шагнул я, напрягшись, к барьера
в наступившем молчанье вокруг.

Он конечно же выстрелил первым.

Неужели я падаю?

Вдруг?!

Гениальный, веселый и ловкий,
видит бог, умирать я не смел,
прежде чем, опираясь о локоть,
не пошлю ему верную смерть.
О, как жалко он вскрикнул!

И — рухнул.

Я подбросил лепаж к небесам.

И, не чувствуя правую руку,

к небесам потянулся я сам.

Освятив твоё имя навеки,
я возник,

словно Спас

на крови,

и упал в белый снег человеком.

Ты за это прости, Натали...

Как ломило мне душу и мыщцы,
пока плелся обратно возок!..

Прозорливый потомок домыслит
выстрел этот

смертельный с азов.

И, ликуя, что выяснил первым,
с той догадкой помчит в Госиздат.

...Ты пойми:

я не мог,

чтоб к барьера

мне навстречу

шагнул

государы!..

А потом золотую морошку
на серебряном блюдце подал,
ободряя меня понарошку
собиратель словес моих Даль.

Единая и неделимая,
ты для меня, как Родина:
за все и навсегда любимая
до самой тайной родинки.

84.

Сложные ложемя от умственных
занятий — доляя ви монтилой и
Умного ви яшкод зек о отынч
пакети маннеджин ии
Фондукот ииада маннажин вилен и
Хамид хамиди ви ии монгров
Хамидон ви ии в физике труда
кадает моте по ватниках ии
Богдана жигановича маннажин
от ви
Гайден таудато
мотив шатисонка — байдат з ми
ада ви ии ви ии монгров
мотиви ии изданах ви ии изданах
ваддук монгров работ з ми
шумажено же ви ии
Богдан ад
спипт схваток ви ии отган

Занесенные снегом

Вере

110

Снег идет предсказаньям назло,
вознесен меж землею и небом.
И куда только нас занесло?
Мы с тобой — занесенные снегом.
Занесенные так,

как гуляк

непутевых поземкой заносит...
и все шансы на выход — голяк...
и никто о нас больше не спросит?!.
Или так,

как нежданный привет,
с почтой посланный вдаль голубиной,
вопреки силе мрачных примет
вдруг заносится в окна любимых?
Пусть возьмется об этом гадать
наделенный могуществом неким!

Да и то,

отгадает когда?

Мы с тобой — занесенные снегом.
Жили мы, не жалея себя,
не трясясь над деньгой и талантом.
Нас с тобой разменяла судьба
на вот эти снежинки?

Да ладно!

Часто нам не хватало тепла,

хотя воздух насыщен был гарью,
и нередко с тобою до тла
не одни корабли мы сжигали.
Не жалей! Жили правильно мы.
И, впадая в позорную слабость,
мы не станем просить у зимы
красных грамот охранных на славу.
Предназначена слава не нам.
Слава Богу, решил я: Бог с нею!
Тихо так,

что слышна
тишина.

111

Мы с тобой — занесенные снегом.
Эх, сюда бы теперь телефон
с ниткой провода длинной-предлинной!
Чтоб звук голоса плыл твоего
вдоль Арбата... над зимней Неглинной...
Чтоб над тем
заповедным столом,
точно гром
среди ясного неба,
вдруг послышалось в трубке:
— Алло!

Говорят
занесенные снегом.
И в ответ удивленно: — Алло?..
А метель в темноте
пребывает.
И становится так вдруг тепло,
как во сне
только в детстве бывает.

**Исповедь
пароходного
котла**

Р. И. Пименову

112 Стараешься теплом моим случайным согреться,

как приблудные котята?

И радуешься...

Ну, а я скучаю.

Откуда знать вам,

кем я был когда-то?!

Я был горячим сердцем парохода.

И жар души

во мне пылал, как порох.

Поправ капризы штормовой погоды,

мне горы соли

было двигать впору.

Пульсируя,

передавал я силу

гигантскому коленчатому валу.

И капитан

над паникой крысиной

девятому

в лицо смеялся валу!

Мой голос плыл

над белыми ночами.

И город,

очарованный сиреной,

черемухой тянул ко мне причалы.

Я молодым тогда был, железнодорожник и конвоянчик
современным.
На берег шли, сменившись, кочегары,
чтоб в золотых объятиях утопнуть.
Я тихо гаснул. конвоянчик

Стыла кочерга их
у ног оскользен
золой подернувшейся топки.

Мне снились сны,
как, раскалясь, одну от другой
входил из раны в рану под утро 113
я содрогну все тело парохода.
И крик истошный боцмана:
— Полундра!

Для запоздавших к новому отходу.
Не ведал я тогда судьбы бичевой
и выдыхал макет отца
похмельным перегаром
березы договор о съемке не окончен
белоствольные выбраны для
Печоры
и черный
жирный уголь
Бирмингама.

Но, вот,
однажды стандарт жил
все пошло иначе,
как звукозапись зажигал для
стершегося диска.

Фата-моргану меньший о
снов моих горячих
разбил в осколки на борту
дребезжащий дизель.
Я с ним сражался.
В клочьях пены белой

взрывался в гонках...
задыхался паром...
Так
над моих
прапредков
колыбелью,
наверное,
трещал
последний парус.

114 В то утро
не пустили нас из порта
родной моей
постройки
и приписки.

Весь день над головой хрюпали споры.
А море — пело.
Где-то рядом.

Близко!

Отчаянно так пело о просторе,
что чайкам
перехватывало глотки.

Недолго нам пришлось пробыть в простое.
Как дыбы,
заработали лебедки.

И сварщики,
как черные хирурги:
все — как палач

под маской —
электродом

с шипением
под хиханьки и ругань
вспороли
грудь
стальную
парохода.

И, как стервятник,
ко мне метнулся
И всхлип органа
позвал меня:
— Назад!
Но было поздно.
Канатами меня,
и больно
с мясом
вырвали
из тела.

И трактор вез
меня в санях,
И, соблюдая
конвой
делил в пути
Кому-то

«крантик» медный —
кому-то
край шамотной обмурочки...
Ни звука я

Слишком поздно было.

Обратно!!!

не проронил ни разу,
повязанный манильскою веревкой.
Голодный, без воды, насквозь промерзнув,—
Будь проклят тот о ранах подлый табель! —
полуживой, вернее — полумертвый, я потерял сознанье на этапе.
Очнулся я в глухом лесном поселке, как в ягдташе согревшийся подранок.
Через порог, под дверь текла поземка.
За дверью завывала пилорама...
Мне в топку истопник, склоняясь с опаской, охапку бросил горбылей сосновых.
Я, ухмыльнувшись, красно-левиной пастью в зрачках его — дышал нездешним зноем.

По щучьему велению,
без хотенья
я оказался
навсегда на суше.
Как Прометей,
прикованный
к котельной,
последнюю для вас
служу я службу.
Я грею детсады
и помидоры
в трех, ~~народ, склоняется~~
застекленных от зимы,
~~имела~~ теплицах...
Барачный быт
системы коридорной...
...Да, разве сможет
все это сравниться
с зелеными
моими островами,
где океан вскипает
белой рыбой?!.
Но — точка.
— Убирайтесь за дровами!
Конец
обеденному
перерыву.

длинной смачки об
канотах тво

известно в
жизни их изобретателей.

Быть может и
бесконечной

вспомогательной

• • •
своей яркой окантовкой
и блеском ее краев.

118 В душе моей
неистребимо добро.

Я зла не желаю
даже врагу.

Ну, зачем
мне тебя

убивать топором,
когда я и словом
убить могу?

87.

**Полуночное
благодарение**

119

Спасибо, добрый человек,
за огонек дрожащей спички.
Спасибо, собутыльник-век,
за то, что до конца не спился.
Спасибо, женщины мои,
за то, что вы меня любили.
Спасибо, чернозем могил,
за сладкий запах белых лилий.
Спасибо, верные друзья,
что есть у верности пределы.
Всему спасибо, что нельзя
вернуть назад и переделать.
Спасибо, автомагистраль,
за все попутные такси мне.
За то, что в мире столько стран,
в которых не был я, спасибо.
Еще спасибо от души
всем тем, кому кричал: — Спасите!
За то, что вы не подошли,
за то, что я дошел, спасибо.
За то, что полон рот забот,
которые лишают силы.
За то, что нет во рту зубов,
чтобы кусать других, спасибо.
Спасибо кошкам: — Мяу-мя!

Спасибо детям и собакам.
 Вам, всем спасибо, кто меня
 не разучил тихонько плакать.
 Всему спасибо, то что есть.
 За то, что хлеб назвали хлебом.
 За то, что крыши ржавой жесть
 не заменить бездонным небом.
 За все судьбу благодарю.
 За миг рождения и старость.
 За позднюю мою зарю,
 когда так мало жить осталось.
 Спасибо рекам и морям,
 которые меня качали.
 Всем тем спасибо, кто меня
 помянет, может быть, с печалью.
 А нет — спасибо и на том.
 И, да поможет им Спаситель!
 Как гость, не застегнув пальто,
 Я вымолвить спешу: — Спасибо.

70—85.

Когда с трибун кричат о Перестройке,
навешав, как лапшу, телемосты,
всей памятью моей Первопрестольной
еще недоразрушенной Москвы
я, возвращаясь к изголовью Века,
под вспышкой в миллиарды киловатт
над черной тьмой слепящих пятен белых,
как приговора, требую ответа —
не многословной пошлости «Что делать?»,
а ясной четкости «Кто виноват?»...

89.

Рассветы

Рассветы!
 Вы тысячу раз петухами
 по белому свету
 бесстрашно распеты.
Рассветы.
 И снова прогрдшее Солнце
 вступает во мрак,
 как выходит разведчик
 в разведку.
Рассветы.
 Это когда,
 разноцветный туман,
 сновидений развеяв,
 над сонной землей,
 как ночной самолет,
 просыпается парусный ветер.
 А мой самолет,
 подожженный зарей,
 он у дня и у ночи на грани,
 рискуя собой,
 никого не зовет
 и не хочет, не просит
 награды.
Какие награды?
При чем здесь награды?

Вопрос разве в этом?
Ему просто надо,
чтоб утренней ранью
всегда наступали рассветы.

— Не гасни, горенье,
как красные гребни
над петухами!

— Погаснуть согласно,
чтоб Солнце не гасло,
не потухало...

**Последнее
стихотворение**

Страдая, умереть в изгнанье.
 И вдруг вернуться в город свой
 изваянным в горючем камне,
 не поникая головой,
 подписанным (не перепутать!),
 чтоб вы смотрели из окна,
 как я на вечном перепутье
 стою один

в ночных огнях.
 Совсем один.

Под зимним небом,
 которое студит мне лоб,
 светло осыпав звездным снегом
 вихры нечесанных волос.
 Не бойтесь!

В гулких коридорах
 не прозвучат мои шаги.
 Я не приду к вам Командором.
 Пусть мирно спят мои враги!
 Терзаться сердце перестало,
 окаменев в моей груди.
 И мне

к подножью пьедестала,
 как ни старайтесь,
 не сойти.

Мерани

Из Николоза Бараташвили

125

Мимо изъезженных вами дорог конь мой
несется Мерани.
Зловещее карканье ворона вслед мне
доносится мрачно.
Только вперед, безграничность полета изведав,
Черновики моей жизни, Мерани, раздаривай
ветру!

Перенеси, мой крылатый, меня через
мутность потоков и гордые горы.
Нетерпеливость моя — торопливость твоя
сократят нам скитальчества годы.
Мчись же смелее сквозь бури и тьму,
сквозь жару и ненастье.
И не жалей меня, конь, хоть устал я,
мой добрый, не надо.

Пусть я родину брошу, всех близких и ту,
что любил без сомнений.
И распрощаюсь с тобой, недоверчивый
сверстник, мой друг-современник.
Родина там, где кончается ночь
предрассветным мерцаньем
Спутников-звезд. Им одним мои тайны —
не тайна, Мерани.

Выстони, сердце, остаток любви —
расплескай его морем.
Самозабвенному бегу коня передай, если
можешь.
Только вперед, безграничность полета
изведав,
Черновики моей жизни, Мерани, раздаривай
ветру!

126

Пусть меня не в гробу похоронят среди
предков на родине вольной.
Не услышите вы надо мной добрых родичей
скорбные вопли.
В необжитых степях на ходу похоронит
меня черный ворон,
И останки буран заметет, завывая протяжно
по-волчьи.

Нет, не слезы любимой мой прах окропят,
а дожди ледяною росою.
И не шепот по темным углам, а орлов гордый
клекот возвестит этот миг под грозою.
Мчи, крылатый мой конь, выноси за судьбы
моей острые грани.
Не поддавался ей прежде твой всадник —
я впредь ей не сдамся, Мерани!

Пусть умру, всеми проклят, о пощаде
просить я не стану
Tex, кто имя мое вероломно рифмуется
с убийственной сталью.
Только вперед, безграничность полета изведав,
Черновики моей жизни, Мерани, раздаривай
ветру!

Верю тому, что не зря понукает тебя
всадник твой обреченный.
И мой младший собрат, той же скачкой
с тобой обрученный,
Этот путь повторит, все же меньше
рискуя собою,
Напрягая уздечку твою над поэта
бездонной судьбою.

Мимо изъезженных вами дорог конь мой
несется Мерани.
Зловещее карканье ворона вслед мне
доносится мрачно.
Только вперед, безграничность полета изведав,
Черновики моей жизни, Мерани, раздаривай
ветру!

9 мая 1842 (6 апреля 1967)

**A 55
84(2-Рус.)7—5**

Александр Алшутов

Занесенные снегом: Книга стихов.—
Сыктывкар: Коми книжное издательство,
1990.— 128с.

А 4702010200-015
М 128 (03)-90 Без объявл.

© Александр Алшутов.

**Александр
Алшутов**

**Занесенные
снегом**

Книга стихов

Художник В. Б. Осипов.

Редактор А. И. Редин.

Технический редактор А. Н. Вишнева.

Корректоры М. М. Дейнега,

М. М. Лужикова, Н. Ф. Габова.

ИБ № 1588

Сдано в набор 19.09.89. Подписано к печати 12.02.90.
Формат 70×100/32. Бумага № 1. Гарнитура жур-
нально-рубленная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,16;
 усл. кр.-отт.5,24 уч.-изд. л.4,24. Тираж 5000. Заказ
 № 7743. Цена 5 р. Коми книжное издательство. 167610,
 Сыктывкар, ул. Карла Маркса, 229.

Головное предприятие Коми республиканского по-
лиграфического производственного объединения.
167610, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, д. 70.

30

5 р.

Издание выпускается
за счет средств автора

НОВАЯ СЧИТАЛОЧКА

От А
до Я
тебя доят.
А — нота ДО.
Я — матадор.
Со мною вы,
как воет бык.
Азбука — рог быка.
Кистью к палитре в десятку воткнут.
Тем, кому истина в поллитре водки,
напоминаю: в СССР
поллитра стоит 10 эр.
Никто не балдеет,
не тратя денег.
Деньги твом,
а стихи — мои.
Ты их читаешь, как пьем на двоих.
Так что пятерку гони, не торгуясь,
за книгу
такую мою дорогую!